



Надежда Ладыгина-Котс

ИГРЫ ЧЕЛОВЕКА И ШИМПАНЗЕ: ИГРЫ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ И ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ С НОВЫМИ ПРЕДМЕТАМИ¹

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс исследовала элементарное мышление животных. При этом особое внимание уделила психическому статусу шимпанзе Иони, которого она получила в дар от супруга профессора Александра Федоровича Котса в 1913 г., когда детенышу было 1,5 года.

В течение двух с половиной лет (до его гибели) Надежда Николаевна воспитывала его в любви, фиксировала всевозможные его проявления в различных ситуациях его жизни, особенности его эмоций, игр, психических функций и поведения. После смерти Иони Надежда Николаевна на протяжении почти семи лет обрабатывала результаты своих наблюдений и опытов. Часть из них в 1923. она обобщила в монографии «Исследование познавательных способностей шимпанзе».

В 1925.у супругов Котс родился сын Руди. Развитие его психики и поведения Надежда Николаевна описывала столь же скрупулезно, как и в свое время развитие Иони. Возможность наблюдения за Руди и сопоставления двух дитятей (Иони и Руди) и обработка результатов заняла более пяти лет. Объективное и точное наблюдение, сравнительный анализ проявлений малышей позволили точно выявлять черты сходства и различия в психике ребенка и детеныша шимпанзе во всем диапазоне изученных исследователем признаков.

Книга состоит из трех частей: Часть I. Поведение шимпанзе; Часть II. Поведение дитяти человека (в сравнительно-психологическом проявлении дитяти человека и дитяти шимпанзе); Часть III. Биопсихологические черты сходства и различия в поведении дитяти человека и дитяти шимпанзе.

¹ Цитируется по второму изданию книги Н.Н. Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» [– М.; – Воронеж, 2011. Т. 1. и Т. 2. – С. 351 – 385], подготовленному доктором биологических наук Зоей Александровной Зориной.

Часть II
(Аналитическая)
ПОВЕДЕНИЕ ДИТЯТИ ЧЕЛОВЕКА
(в сравнительно-психологическом аспекте)

Игры человека и шимпанзе

(Продолжение. Начало см. №№ 2'2019, 3'2019)

В этот же период времени (от 1½ до 4 лет) дитя охотно рассматривает картинки в книге, проводя пальчиком по особенно рельефным изображениям.

В возрасте 2–3 лет дитя длительно и с большим интересом занимается разбиранием ящичков со всевозможными мелкими предметами домашнего обихода (табл. 96, рис. 5 [– С. 34]) и уже не ограничивается лишь их

Табл. 4.6. Растения, уподобляемые ребенком (2–3 лет) различным предметам

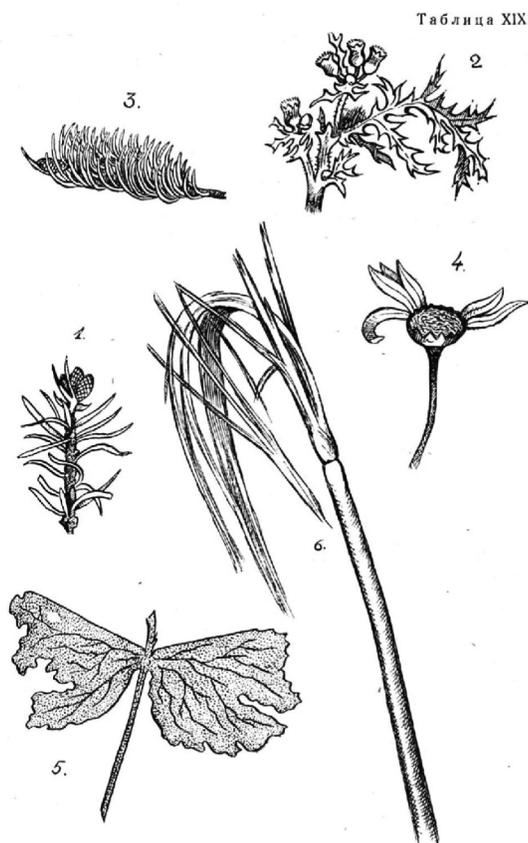


Рис. 1. «Краб» (молодая веточка ели с шишечками) — по определению Руди (3 г. 0 м. 9 д.).

Рис. 2. «Ступочки» — цветочки (3 г. 0 м. 9 д.).

Рис. 3. «Ежик» — ветка ели (3 г. 0 м. 9 д.).

Рис. 4. «Стрекоза» — оципаный цветочек (3 г. 0 м. 9 д.).

Рис. 5. «Г» — аэроплан, поблекший листочек (2 г. 0 м.).

Рис. 6. «Улитка высуны рога» — полусломанный стебелек (3 г. 0 м.).

Табл. 4.7. Прутья и ветви, по форме уподобляемые ребенком (3 лет) различным животным

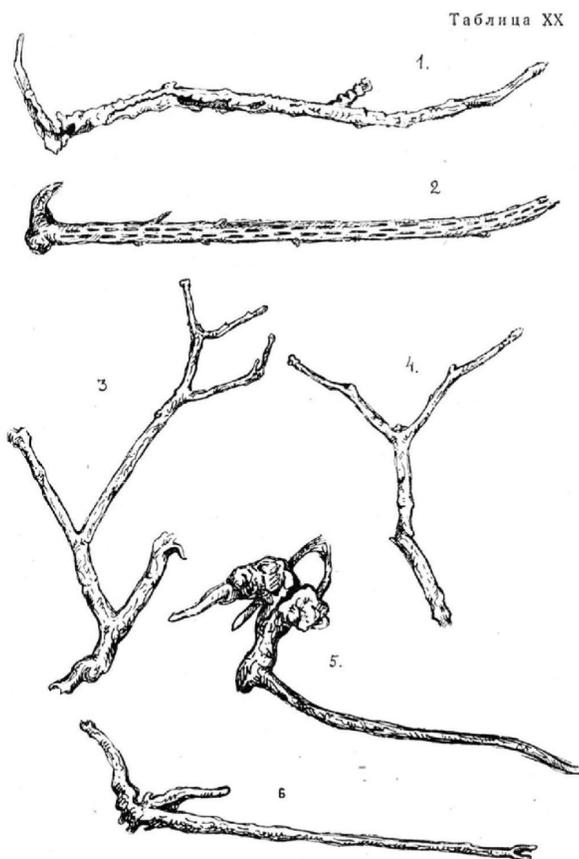


Рис. 1. «Гусеница» — веточка березы по определению Руди (3 г. 1 м.).

Рис. 2. «Гусеница» — веточка сосны (3 г. 1 м.).

Рис. 3. «Рак» — ветвистый прутик (3 г. 1 м.).

Рис. 4. «Олень» — прутик с дихотомическим ветвлением (3 г. 1 м.).

Рис. 5. «Гусь» — сухой прутик (3 г. 2 м.).

Рис. 6. «Тюля» (тюлень) — прутик (3 г. 2 м. 9 д.).

созерцанием и поверхностным ощупыванием, а, беря в ручки каждый предмет и пристально оглядывая его со всех сторон, спрашивает: «Что это?» (табл. 120, рис. 4).

Новые игрушки также немедленно подвергаются самому тщательно-му осматриванию и ощупыванию ребенка.

8. *Любознательство и, любознательность.* Чем дальше, тем все глубже старается проникать ребенок в суть вещей, и он уже не довольствуется созерцанием видимого, но стремится проникнуть в скрытые тайники вещи, — появляется любознательность.

Если ранее дитя удовлетворялось лишь наружным осмотром предмета, теперь оно разрушает, ломает вещь, чтобы познать ее до конца. И как неудержимо у дитяти это стремление к действительному разрушению (стрем-

Табл. В.120. Выявление интеллектуальных способностей ребенка



Табл. 120. Выявление интеллектуальных способностей ребенка.

Рис. 1. «Так будет стоять или не будет?» (Руди — 2 г. 4 м.).

Рис. 2. «Раз-два-три!..» Счет пальцев (Руди — 4 г.).

Рис. 3. «Теперь я вижу, что земля крутится!» (Руди — 4 г. 7 м.).

Рис. 4. «Что это? Что стоит?» — спрашивает Руди (2 г. 4 м.).

Рис. 5. Отождествление ребенком (2 г. 4 м. 18 д.) изображений предметов (игра с Руди в лото).

ление, которое, к сожалению, не всегда правильно понимается взрослыми, налагающими недопустимый запрет на разламывание игрушек!

Глубина интригует дитя очень рано. Руди еще в возрасте 8 месяцев, увидев дырки на сидении венского стула, пристально рассматривает их и сует в них пальчики; 9-месячный Руди засовывает пальцы в горлышко бутылок, в выжженные в столе углубления и настойчиво ощупывает их. Выпуклые вышитые на материи узоры, метки дитя также сначала ощупывает пальчиками (как и Иони), а потом прикладывает к ним ротиком, трогает язычком. Увидев дырки в белье, прошивки на подушке, дитя тотчас же запускает в отверстия пальчики, настойчиво рвет, оттягивая все дальше и дальше, разрывая ткани (табл. 96, рис. 3 [— С. 34]).

Как охотно ребенок расколупывает указательным пальчиком дырки на мягкой мебели, настойчиво пробуравливая их до пределов возможного, до самой глубины! Одиннадцатимесячный Руди, взяв, бывало, колесико от складной пирамиды, надевает в его отверстие пальчик, а потом запускает пальчик, просунутый в колесо, в ротик и пытается вращать его (табл. 96, рис. 2 [— С. 34]). Взяв в руки какой-либо сосуд (кастрюльку, кувшин), дитя засовывает в его глубину уже всю руку и ощупывает его внутри; иногда дитя увидит крохотную дырку (например, на крышке чайника), тем не менее оно старается в нее ткнуть пальчиком, и хотя пальчик

Табл. В.97. Выявление роли указательного пальца у человека и шимпанзе

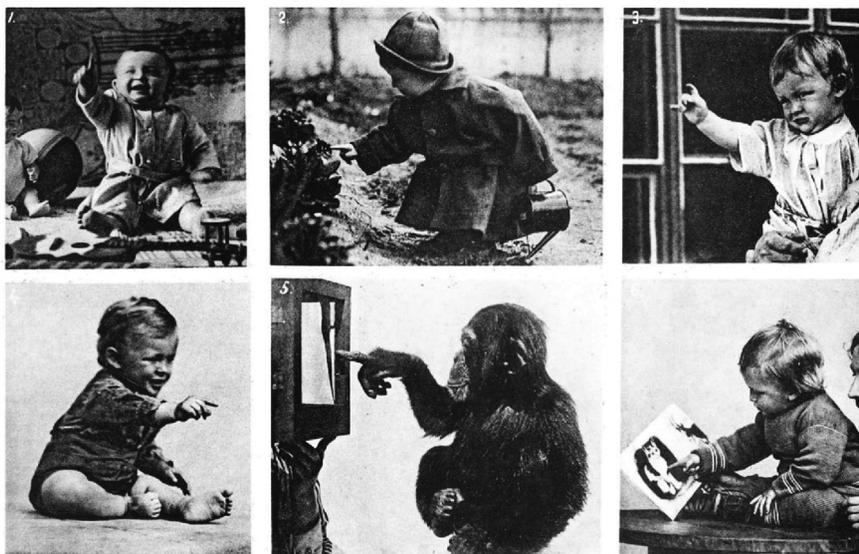


Табл. 97. Употребление указательного пальца у ребенка и шимпанзе.

Рис. 1. Руди (1 г.) указывает пальцем на вещь, его интригующую.

Рис. 2. Руди (2 г. 1 м.) прирагивается указательным пальцем к интересующим его цветам.

Рис. 3. Руди (1 г. 2 м.) указывает желаемое направление своего пути.

Рис. 4. Руди (1 г. 3 м.) показывает пальцем вещь, которую хочет иметь своей.

Рис. 5. Иони прирагивается указательным пальцем к интригующей его живой ящерице.

Рис. 6. Руди (1 г. 5 м.) указывает пальцем изображение кошки.

значительно больше и не погружается, тем не менее дитя упорно пытается еще и еще раз совать пальчик туда же.

Интерес к разглядыванию скрытого, столь резко выраженные у Иони, проявляется и у ребенка, неудержимо стремящегося к обследованию всевозможных полостей. Увидел Руди поблизости стоящий секретер (9.9) и пытается указательным пальчиком, или потянув за ключ, оттянуть дверцу (табл. 96, рис. 4 [– С. 34]), заглянуть внутрь (табл. 96, рис. 6 [– С. 34]), открыть и обшарить каждый ящичек, не успокаиваясь до тех пор, пока не извлечет оттуда все, что только может извлечь. В других случаях мальчик (11.11) отводит рукой висящую картину, заглядывает за нее, засматривает под кровать, в глубину ведер, и всюду впереди его глаз идет обследующая ручка, указательный пальчик¹. Дитя в возрасте года пытается (подобно Иони) подглядывать под юбки, под одежду близких, залезает в их карманы и обыскивает их. Далекое не случайно, что такие игрушки, как раскрывающиеся, вкладывающийся одно в другое разноцветные яички, различно разрисованные раскладные «матрешки»,

1 Уже у ребенка до года указательный палец правой руки получает превалирующее значение по сравнению с другими пальцами (табл. 97, рис. 1–6). Аналогичная исключительная роль указательного пальца рельефно выявлена и у Иони (табл. 97, рис. 5).

интригующие неожиданно новым содержанием, являются любимейшими детскими игрушками.

Неудивительно, что дитя, получающее доступ к какому-либо закрывающемуся вместилищу, во что бы то ни стало желает открыть эту вещь, пока не дойдет до ее истонных глубин, оно хочет и просмотреть, и прощупать ее.

Например, как настойчиво домогается дитя открыть внутренние крышки карманных часов, как стремится оно разобрать в них все до последнего винтика, если отдашь в его распоряжение их полусломанный механизм; как радостно развертывает оно принесенные покупки с какой притягательной силой влекут его печи, корзинки для бросовых бумаг, помойки, дворы, таящие безграничные возможности для нахождения неожиданных и новых вещей. И все это дитя разглядывает, субъективно оценивает, одно отбрасывает, другое же захватывает в собственность.

Подобно Иони и мой Руди (2.3) любил рассматривать окружающее «вооруженным глазом» – созерцать мир через желтую прозрачную клеенку, через гребенку, через цветные стеклышки (табл. 87, рис. 1); с каким увлечением (уже в возрасте 4 лет) занимался он смотрением в бинокль и в лупу (табл. 87, рис. 4, 3); тогда он мог буквально часами переходить с места на место (в комнате, во дворе в саду), переводя глаза с предмета на предмет, стараясь все увидеть в измененном увеличенном или уменьшенном виде.

Как любил мальчик смотреть в детский стереоскоп, в котором каждый поворот трубы давал новую причудливую цветовую мозаичную картинку (табл. 87, рис. 2)!

9. *Эстетические тенденции ребенка, предпочитаемые признаки предметов.* Какие же свойства, признаки предметов наиболее обращают на себя внимание ребенка, по какому руслу идут его избирательные, предпочитаемые тенденции? Это можно легко установить, учтя, указав то, какие вещи привлекают глаз и интерес ребенка, что он присваивает себе для игры, как он квалифицирует данный предмет в своих положительных и отрицательных словесных оценках.

Ранее мы уже многократно отмечали, что все новое привлекает к себе внимание и интерес ребенка, обогащая его развивающийся ум. Руди уже в возрасте года, видя надетый на себя новый костюмчик, дотрагиваясь указательным пальчиком до рукавчиков, пристально смотрит на них; он тотчас же замечает надетый на мне новый цветной чепчик, впивается в него глазками, тянется к нему ручкой, хочет стащить; вновь пришитые пуговицы, надетые броши дитя тотчас же замечает и оттягивает их, как бы силясь оторвать. Руди (в возрасте 1.5) по своей инициативе называет «нца» (хороший) вновь купленные ему бурочки, башмачки, рубашечки, наоборот старые вещи обозначает словом «бьяка». В возрасте около 2 лет он не желает надеть старые фартучки, а хочет надеть новые, отказываясь от первых, говоря: «Тари – неть» (старые – нет.) Дитя (2.8.28) очень охотно надевает новый костюм и не желает надеть старого. «Хоросее патице», – говорит он (2.3.10), видя на мне новый фартучек.

У Руди я могла подметить и другое направление симпатизирующих тенденций; для себя дитя любит новое, но оно не всегда любит, когда близ-

Табл. В.87. Игры экспериментирования ребенка с прозрачными предметами



Табл. 87. Игры экспериментирования с прозрачными предметами.

Рис. 1. Смотрение (Руди — 2 г. 4 м.) через прозрачные предметы, через гребенку.
Рис. 2. Смотрение в стереоскоп.

Рис. 3. Созерцание предметов через лупу.
Рис. 4. Смотрение в самодельный «бинокль».

кое, любимое ему существо предстает перед ним в новом виде; однажды, когда я вместо обычной прически (на ряд со спущенными книзу волосами) сделала зачес кверху, Руди (2.1.17) говорит: «нетошо» (нехорошо); когда же я тотчас же переделала прическу, он одобрительно сказал: «тошо» (хорошо).

Аналогичное в другом случае: когда Руди было 2.7.8, он увидел меня в необычном длинном платье 20-х годов (надетом для специальной позыровки). Дитя тотчас же высказалось: «Нехорошее платьице, мама, сними!» В другое время он требовательно настаивал, чтобы я сняла с головы повязанный платок, говоря: «Мама, сними, нехорошо».

Одно время он упрямо пытался стаскивать с меня почему-то не нравящийся ему пестрый полосатый халатик (1.10.10), называя его «бя», и старался снять всякий раз, как я его надевала.

Разбирая столы, дитя (1.6.11), видя новые для себя предметы, непременно хочет ими овладеть. Руди (1.9.29) не хочет слушать чтения старых

детских книг, а требует новых. Когда однажды я дала ему кипу из 20 книг, он отобрал себе из них 9 книг и отложил остальные; в числе предпочтенных как раз оказались книги, которые читались ему меньше других, более новые и по времени покупки, и по знакомству содержания.

Качественная квалификация дитяти, представляющая собой зачаток его примитивного эстетического чувства, в области зрительных восприятий идет в направлении симпатии к яркому, блестящему, обращающему на себя внимание. И предпочитаемый выбор ребенка зачастую останавливается именно на интенсивно покрашенных предметах, которые дитя и присваивает.

Блеск очень рано привлекает к себе глаз ребенка: уже 2½-месячное дитя, видя блестящие металлические вещи (шарики кроватки, маятник часов, серебристый подвешенный мячик), улыбается и издает типичный радостный гуляющий звук; 3-месячное дитя длительно созерцает блестящую люстру, золотистую погремушку, переводит глазки (в возрасте 4) вслед за движущимся огоньком; 6-месячное дитя особенно страстно тянется схватить в ручки именно блестящие предметы (серебряные ложечки, ключи, крышки посуды, светлые шарики кровати, металлические скобки комодов, умывальный кран, блестящие подсвечники и многое другое).

Руди (в возрасте 1.7.19) называет «нца» блестящую обертку от шоколада; «красота» – говорит он (2.6.1) про такую же бумажку.

«Ах, какая хорошенькая!» – восхищается он (2.8.16) картонной золотой рыбкой.

«Какие хорошие звездочки на снегу!» – говорит он (2.9.22), созерцая снежинки. «Ох, хорошие, блестящие,» – говорит он (2.11.7) про птичек колибри.

Уже отмечалось ранее, как тянется дитя к овладению и игре с блестящими и светящимися предметами. Он не может видеть равнодушно какие-нибудь бросовые металлические предметы, которые находит на дворе, и когда его убеждаешь бросить их, он говорит жалостным тоном: «Да-а-а, светленькая», красноречиво выражая, как ему хочется заполнить в свой обиход блестящую вещь.

Но подобно Иони и мой Руди обнаруживал явное предпочтение цветов первой половины спектра перед цветами второй¹, в частности особенно выделяя своей симпатией красного цвета предметы.

Мне зачастую приходилось отмечать в протоколах и даже проверять экспериментально, что когда Руди был поставлен перед необходимостью выбора между различными по цвету предметами, он неизменно предпочитал избрание предметов красного цвета.

Мои протокольные записи, извлеченные за период времени 1½ лет, обнимающие собой возраст ребенка от 1.3.9 до 3.0, документально подтверждают это.

Дитя по своей инициативе обозначает словом «нца» (по его терминологии означающим прекрасное) следующие предметы: ярко желтый цветок подсолнечника (дитя было в возрасте 1.3.9), красное одеяло (1.4.27),

1 Хотя в игре Иони предпочитал синие объекты.

красные штанишки и рубашечку 1.4.22), яркий пестрый халат (с синей и красной полоской) 1.4.24), красный флаг 1.4.27), яркий голубой фартук 1.5), пестрый ковер, в котором превалирует красный цвет (в возрасте 1.6.20); дитя называет словом «нца» волчок, раскрашенный желтым и красным цветом, красную полированную щетку (1.8.5), красный карандаш, причем, проводя им черты, делает звонкие возгласы; черный карандаш называет «бя», последним не хочет писать (в возрасте 1.9.9). Красные пуговицы Руди называет «нца», сине-зеленые – «бя» (1.10.4) (табл. XXI, рис. 5, 6), красные и розовые бумажки называет «нца»; фиолетовые, зеленые бумажки называет «бяка» (1.11.2). Красную блузку, оранжевый, розовый цветок, коралловые оранжевые бусы называет «нца», зеленый, голубой цветок – «бяка» (табл. XXI, рис. 1–4).

Перекладывая с места на место свои платица пестрого, синего, желтого, красного цвета, только при взятии красных дитя говорит: «шарошие» (хорошие), остальные кладет молча (2.1.17).

Перебирая листы отрывного календаря, видя красные праздничные цифры, говорит: «харосие», видя черные – называет их нехорошими (2.1.25). Указывая на зеленое плетение на корзиночке, уже определенно говорит: «синий (фактически зеленый) не давится, балиста» (синий не нравится, боюсь); «этот давится» (этот нравится), – говорит он, указывая на красное плетение (2.2).

При проезде двух разного цвета лошадей черную мальчик называет «нехаросая», белую – «харосая» (2.2.28).

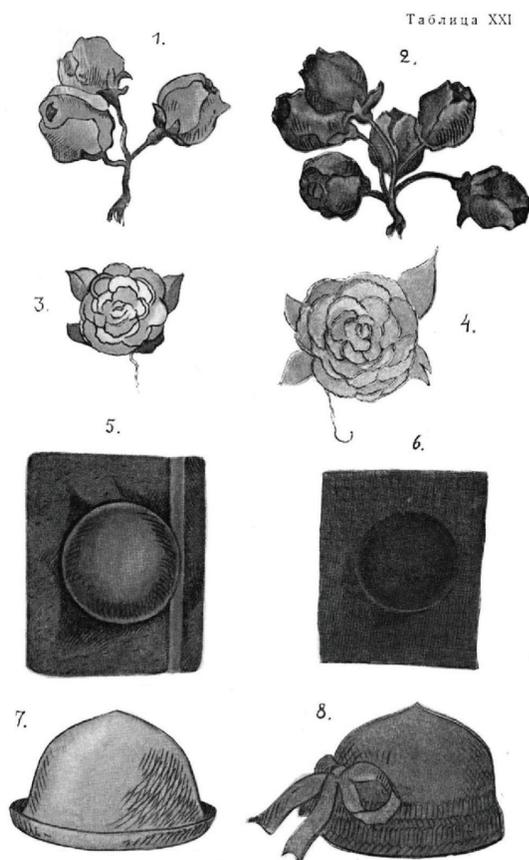
При игре с разноцветными бисеринками спрашивает: «де касеньгие, черные не люблю» (где красненькие, черные не люблю – 2.3.22). «Жалко хопать» (жалко хлопать), – говорит дитя (2.3.28), получая в руки оранжевый бумажный пакет; серые бумажные пакеты дитя хлопает без всякого сожаления. Однажды я говорю Руди: «Посмотри, тучка плывет». Он говорит, посмотрев: «Бяка». Я спрашиваю, почему же. Он: «потому, что черная» (2.3.25).

Из разноцветных пластинок (красного, синего, желтого, зеленого, голубого, черного, белого цвета) Руди выбирает одни красные, говоря: «Касие давятся» (красные нравятся – в возрасте 2.4.9). Руди видит живую чужую черную кошку, говорит: «Кисура чужая нехорошая – черная», «не люблю черную, белый люблю, касюю люблю» (не люблю черную, белую, красную люблю).

Видя на мне темно-красное бархатное платье, говорит: «Хорошее платице» (2.5.21). Зеленую шляпу называет «бя», желтую – «нца» (табл. XXI, рис. 7, 8). Красный деревянный шарик Руди (1.11.18) называет «нца», серый резиновый – «бяка».

Только однажды я заметила, как из группы пестро перемешанных 64 пластинок 7 разных цветов (красного, розового, оранжевого, желтого, зеленого, синего, белого) мой сын (1.11.6) отобрал себе 7 штук синих и стал играть ими (точь-в-точь, как то делал и Иони), но Руди не дал им качественную квалификацию, не назвал их «нца» (красивый), а через несколько дней (1.11.9) он также выбрал себе из разноцветных палочек сначала 12 штук синих, а потом оранжевых и красных, которые и назвал «нца». Из этого можно заключить, что хотя человеческое дитя порой (как и шимпанзе

Таблица 4.8. Цвета, предпочитаемые (нечетн.) и отвергаемые (четн.) ребенком



Цвета, предпочитаемые и отвергаемые ребенком

- Рис. 1. Оранжевый бархатный цветочек.
- Рис. 2. Зеленый бархатный цветочек.
- Рис. 3. Розовый бумажный цветочек.
- Рис. 4. Голубой бумажный цветочек

- Рис. 5. Красная пуговица.
- Рис. 6. Сине-зеленая пуговица.
- Рис. 7. Желтая шляпа.
- Рис. 8. Зеленая шляпа.

Иони) отбирает себе для игры разного цвета объекты (как например синие), но это еще не означает, что как раз этот цвет нравится ему; возможно, что синие предметы привлекают его по контрасту с наичаще отбираемым излюбленным цветом, который надоедает. То, что нравится, получает качественную оценку дитяти и по мере взросления его – все более определенную и недвусмысленную оценку; то, что нравится дитяти, оно желает сохранить, присвоить, украсить себя этим (см. также последующие многочисленные примеры, которые ярко показывают, как Руди стремится к приобретению красного самолета, к самоукрашению себя красным галстуком, к надеванию красной одежды, к накидыванию на себя красного лоскута). Здесь намечаются зачатки определенных эстетических тенденций, которые свойственны даже 3-летнему дитяти. Мой Руди (в возрасте 2.11.19) определенно

высказался в этом, смысле: «прямо красота!» – называет он оранжевый изящно сделанный бумажный цветочек.

Когда, например, я даю Руди различные лоскутки, увидя ярко красный атлас, он называет его «нца»¹, отделяет его от других, расстилает его, разглядывает, надевает на головку (Иони обычно надевал на шею – табл. 63, рис. 3), как бы украшается (в возрасте 1.6.26). Имея в распоряжении 24 палочки 8 разных цветов², Руди (в возрасте 1.11.6) отбирает себе лишь особенно яркие палочки (первой половины спектра – красные, оранжевые, розовые); в другое время (в возрасте 3.0.7) из целой груды тех же палочек дитя отбирает громадное количество одинаковых по цвету палочек (белых) и говорит: «Я собираю еще, еще, чтобы у Апочки много было!»

При виде двух разноцветных ручек – зеленой и красной – Руди (1.10.16) берет себе красную ручку, называя ее «нца», а зеленую отдает мне, называя ее «бья» (нехорошая).

Однажды Руди (в возрасте 2.0.16) даже не желал надеть на себя серую кофточку, а тянулся к красной, прося надеть ее. В другой раз (в возрасте 1.10.9) дитя не надевает белые гладкие штанишки, кричит: «Бя-бя!» и с готовностью надевает полосатые штанишки (повидимому более привлекательные из-за пестроты рисунка).

В другой раз при разбирании лоскутов, увидев красный галстук, Руди (в возрасте 2.6) требует его себе демонстративными жестами, говоря при этом: «Мама, надеть!» В игрушечном магазине, увидев самолеты разных цветов, дитя (в возрасте 2.3.7) говорит: «Касий ляпан купить, зеленый не купить» (красный самолет купить, зеленый не покупать).

Стремление к самоукрашению у дитяти выражено еще сильнее, чем у шимпанзе, и я могла подметить у моего мальчика следующие случаи проявления эстетических тенденций. В возрасте 1.5.0 Руди нашел боа из ярко желтых перьев, он немедленно накинул его себе на шею и, держа его за концы, превесело улыбался (табл. 63, рис. 1, 2).

В возрасте 1.7.12, найдя голубые бусы, малыш перекидывает их себе на шею.

В возрасте 1.7.13 он по своей инициативе надевает на шею блестящий бисерный ободок.

В возрасте 1.9.5 накидывает на шею веревку и суровую тесьму и начинает оживленно бегать по комнате.

В возрасте 1.9.22 подвешивает себе разноцветные бусы.

В возрасте 1.10.20 кладет себе на шею пестрый лоскуток, прицепляет сам к груди кусочек пестрого бархата и украшенный радостно бегаёт по комнате.

В возрасте 2.9.2 нацепляет на себя черную блестящую цепь и разгуливает по комнате.

В возрасте 2.7.2 просит надеть себе на шею светло-зеленую шелковую ленточку, а несколько позднее, подавая мне взятую им коралловую брошь, говорит: «Пиколоть», прося приколоть ее к одежде.

Обращаясь к анализу того, по какому признаку направляются симпа-

1 По терминологии ребенка – прекрасное, нравящееся ему.

2 Красного, оранжевого, розового, фиолетового, синего, коричневого, белого, желтого.

Табл. В.63. Самоукрашение у дитяти человека и у шимпанзе



Табл. 63. «Самоукрашение» у дитяти человека и шимпанзе.

Рис. 1. Руди (1 г. 5 м.) надевает на шейку боа из желтых перьев.

Рис. 2. Руди «украсился».

Рис. 3. Иони, надевший на шею толь.

Рис. 4. Руди (3 г. 4 м.) надевает подобие шапки.

тизирующие тенденции ребенка при наличии момента выбора между разными по величине объектами, и здесь, как и у шимпанзе Иони, мы можем с определенностью отметить предпочтение малых величин объектов перед большими. Человеческое дитя подобно дитяти шимпанзе – прирожденный миниатюрист.

Характерны устремление внимания ребенка человека на мельчайшие объекты, симпатия к миниатюрным предметам одушевленного и неодушевленного мира.

Восьми-девятимесячный ребенок обнаруживает уже интерес к крохотным брызгам воды, черным печатным буквам на бумаге, волосинкам, ниточкам в тканях и трогает их пальчиками; он тщательно собирает мельчайшие, рассыпанные случайно крошечки, соринки величиной с крупинки мелкого сахарного песка, малюсенькие бумажки (табл. 98, рис. 1, 2); едва освоившись с ходьбой, дитя (1.5), гуляя по двору, выскидывает

глазками маленькие камешки, скляночки, нагибается, приседает и подбирает их с умиленной рожицей и дает в руки взрослому (табл. 98, рис. 4).

Когда однажды Руди (1.11.8) нарисовали птичек двух различных размеров, он назвал птицу большого размера «бьяка», маленькую же назвал «нца» и поцеловал ее. Позднее при показывании мальчику (2.1.6) двух изображенных дятлов разных размеров большого дятла он называет «нехорошим», меньшего – «хорошим»; дитя (2.1.6) охотнее играет с маленькими кеглями, нежели с большими.

Уже упоминалось, как нравятся дитяти миниатюрные живые и игрушечные зверки, маленькие шарики (в противоположность большим), как нежно он их называет и порой даже целует.

И это, конечно, ничуть не противоречит тому, что, например, при выборе лакомства, как и орудия нападения (прута), дитя предпочитает как раз объекты большей величины.

Это происходит потому, что последние вещи принадлежат к разряду утилитарных, и в этом случае дитя ценит их большую выгодность для него; если же предмет служит лишь для развлечения, выбор дитяти идет по принципу, прямо противоположному.

Руди подобно Иони восторженно разглядывал мельчайшие предметы, которыми играл особенно охотно. Я помню, как в возрасте 2 лет он не спускал глаз с крохотных ползающих улиток, долго и внимательно созерцая их передвижение (табл. 98, рис. 5). Все миниатюрное вызывает какую-то трогательную симпатию ребенка. Если вы дадите 3-летнему дитяти на выбор несколько деревянных яичек разных размеров, вы можете наверняка сказать, что оно предпочтет взять самое маленькое, и каким нежным любовно-умиленным взглядом рассматривает оно его (табл. 98, рис. 3).

Подобно Иони и Руди из всех геометрических форм предметов предпочитает шарообразные формы и в особенности любит маленькие шарики, говоря в возрасте 2.3.13: «Любу малюска» (то есть люблю маленькие).

На мой определенный вопрос, какой шарик Руди любит больше: маленький или большой? – нежным голосом, нараспев он отвечает мне: «М-а-а-а-ленький» (в возрасте 2.10.6). Увидя у меня и у отца разных размеров карманные часы, Руди (2.9.26) спрашивает: «Почему у мамы маленькие часы, а у папы почему большие часы?» На мой вопрос, какие часы лучше, он отвечает: «М-а-а-а-ленькие», добавляет нежным умильным голоском: «Любу малюсенские, крошечки маленькие» и тотчас же целует мои часы, словесно квалифицируя: «хорошие».

Руди (до 5 лет), например, из всех имеющихся у него в распоряжении зайцев больше всего любил самого крохотного зайчика (в 2 см длиной), с которым никогда не расставался. Именно этого зайчика он особенно часто делал сотоварищем в военных играх, вооружал его самодельной пушкой, как бы памятуя его полную незащищенность (табл. 98, рис. 6) против врагов. Всем нам также хорошо известно, как любовно и жалостливо-сочувственно относятся дети к детям-животным, предпочитая всегда играть с ними, нежели со взрослыми. Молодые животные из приплота Зоопарка обычно вызывают восторженное созерцание не только детей, но и взрослых.

Табл. В.98. Миниатюризм ребенка

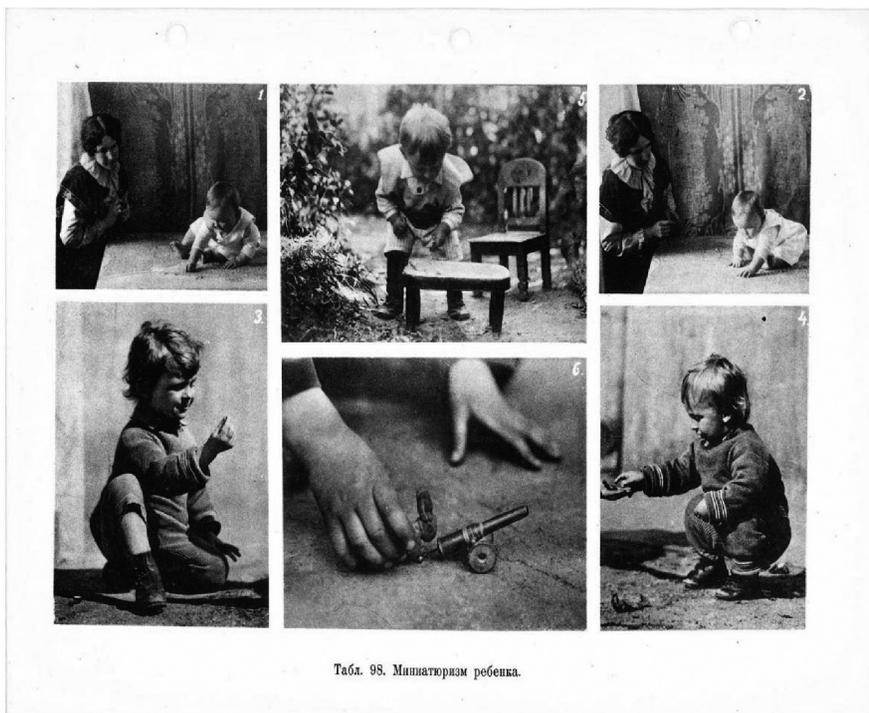


Табл. 98. Миниатюризм ребенка.

Рис. 1. Собирање рассыпанных крошечек Руди (9 мес).

Рис. 2. То же.

Рис. 3. Любование миниатюрным яичком (Руди 3 года).

Рис. 4. Собирање мельчайших камешков Руди (1 г. 5 м.).

Рис. 5. Рассмотрение маленьких улиточек (Руди — 2 года).

Рис. 6. Вооружение пушкой самого маленького игрушечного зайца.

Уже было отмечено, как радостно катаются дети на маленьких животных — осликах, пони, козликах. Казалось бы, что самый процесс езды не меняется от того, впряжено в экипаж маленькое или большое животное, но тот факт, что впряжено именно маленькое, дает, по-видимому, ребенку дополнительное радостное переживание.

Нередко мы видим (и на своем мальчике я замечала также), как 5–7-летнее дитя трогательно-нежно относится к детям меньшего возраста, насколько оно непринужденнее играет с ними, нежели с детьми постарше его. В этом дитя человека проявляет полную противоположность дитяти шимпанзе (который так тиранически обращается с «малыми мира сего»), в этом дитя человека как раз и выявляет зачатки своего будущего человеколюбия.

Из других эстетических тенденций ребенка следует упомянуть еще об его стремлении к симметрическому оформлению предметов.

Однажды Руди (в возрасте 2.7.7), раскладывая кегли, уложил их по радиусам круга, но одну кеглю он вдруг положил перпендикулярно к предыдущим; несколько погодя он взял и поправил ее, положив так же, как и другие — то есть по радиусу. В другой раз Руди (3.0.18), видя на моих ночных туфлях один язычок, лежащий нормально, а другой загнутый

внутри, сам выправляет мне ввернувшийся язычок, говоря: «Мама, поправь подметку». Однажды он заметил, что у деревянного оленька сломан один рог, – дитя (3.0.9) тотчас же настаивает, чтобы и второй рог был сломан. Я никогда не замечала, чтобы Иони обнаруживал чувство симметрии в конструктивном процессе, но, например, когда он разрушал симметричные постройки из кирпичиков, он разнимал их, сохраняя симметрию.

Уже отмечалось, что дитя человека подобно Иони предпочитает форму шарообразных предметов перед всеми остальными.

Обращаясь к предпочитанию в области обонятельных восприятий, мы должны отметить, что и здесь одни запахи нравятся дитяти, другие нет; например, Руди охотно нюхает (в возрасте 1.7.9 – 1.9) надушенный духами носовой платок, причем, принявываясь, вдыхает звучно, широко улыбаясь; порой он упивается запахом туалетного мыла, причем ковыряет его пальчиком и хочет отведать язычком, говоря «нца». Руди охотно нюхал гуталин (2.3.23), сыр (1.7.23), причем в последнем случае, нюхая, он покрывал так же, как при еде нравящейся ему вкусной пищи; он жадно, звучно вдыхая, принявываясь к мандарину (1.11.2), апельсину, керосину, мятному зубному порошку. Руди (2.4.3) определенно нравился запах некоторых цветов (душистого горошка, флокса), запах эфира. Некоторые неизвестные запахи дитя (в возрасте 2.5.27) уже аналогизирует с ранее известным; так, например, нюхая нашатырно-анисовые капли, дитя говорит: «Пахнет блямом» (яблоком), нюхая мозолин, говорит: «Ох, хорошо пахнет газом» (светильным газом). Некоторые запахи определенно не нравятся Руди. Нюхая формалин, он спрашивает: «Мама, чем пахнет?» Я говорю: хорошо или нет? Он мне: «Нехорошо, вонь» (2.7.8). Уже упоминалось как дитяти не нравился запах дыма и как оно говорило: «Пахнет дымом, убири дым в комод».

Я никогда не замечала, чтобы человеческое дитя боязливо одиозно относилось к каким-либо запахам, что так свойственно было шимпанзе¹, наоборот, я не могла установить у Иони специального пристрастия к повторному упивающемуся нюханию каких-либо несъедобных веществ, обладающих запахом; зато, поедая вкусные пахучие плоды, Иони при еде многократно, после каждого откусывания производил и принявываяние, чего Руди не делал.

Конечно, далеко не равноценно квалифицируются и ребенком человека и дитятей шимпанзе качественно различные вкусовые ощущения. Как то уже отмечалось, у обоих детей обнаруживается пристрастие к сладкому – сахару, конфетам (у Руди больше, чем у Иони), к фруктам и ягодам и другим съедобным вещам; можно отметить у человеческого дитяти не столь одиозное отношение к еде масла и вареного мяса, как у Иони.

Я не склонна более подробно входить в сравнительный анализ предпочитаемых вкусовых ощущений ребенка человека и дитяти шимпанзе, так как замечала, что эта вкусовая сфера ощущений наименее устойчивая, чрезвычайно индивидуализированная не только в связи с разным

1 Если не считать отвратительных запахов некоторых лекарств (например, рыбьего жира, касторки).

пищевым обиходом детей (следовательно зависящая почти целиком от внешних условий жизни и привычки), но и колеблющаяся индивидуально в разные возрасты жизни. Например, мой Руди в более раннюю пору жизни (от 1 года до 1½ лет) охотно ел лимон, а позднее высказался так: «ох, люблю мандарин!», «апельсин немножко нравится, а лимон совершенно не нужен» (2.9.29).

Дитяти часто приедаются даже вкусные вещи, и что нравилось вчера – назавтра отвергается.

Переходя к области осязательных ощущений, следует точно так же подчеркнуть, что и в этой сфере обоим малышам одно нравится, другое нет: гладкое, мягкое, бархатистое обычно вызывает положительную оценку ребенка, жесткое, колючее, шероховатое – отрицательную.

«Нца» – говорит дитя (1.9.26), поглаживая хотя и черную, но мягкую бархатную материя; «нца, пай» – называет оно (1.11.9) мягкую пуховую кофточку; «харосая» – гладит оно (2.2.1) мягкую атласную кофточку, хотя и темно-зеленого цвета. «Бяка» называет оно (2.2.1) хотя и красную, но грубошерстную кофту. «Колючка нехороша», – говорит Руди (2.5.9) про жесткую соломенную шляпу; «эта хорошая», – говорит он про мягкую фетровую шляпу. «Эти штаны (бумазейные мягкие) люблю, а вот те (суконные жесткие) не люблю» (2.8.25). «Когда эти штаны надевал, се равно не люблю» (то есть хотя эти штаны и надевал, все равно, дескать, не привык, не нравятся). «Ох, колетса, – вот в чем дело», – говорит он, беря колючую шапку (2.8.25). «Какая хорошая», – говорит он, поглаживая мою голую ногу (в возрасте 3.0), и просит: «дай дотронуться до другой ножки».

В отношении осязательных восприятий Иони никогда не обнаружил особой тонкости дифференцировки и заметного предпочтения – вероятно потому, что не обладал достаточно чутким осязанием вследствие грубости кожи своих рук.

Очень рано дитя выявляет качественную квалификацию и по другим более тонким – эстетическим, этическим и идейным – признакам. Оно (1.9.9) субъективно квалифицирует даже своих домашних, называя одних из них более нравящихся – «нца», других, менее приятных – «бя». В возрасте 1.10.13 Руди уже субъективно дифференцирует разные рисунки животных¹, называя одни картины (собаки, осла, лошади, кошки, коровы, свиньи, гуся, петуха) «нца», другие (козла, курицу, утку) – «бяка»².

Уже отмечалось, как избирательно (в возрасте 2.4.30) Руди относился к своим игрушкам. Эта избирательность распространяется и на выбор им книг для чтения: при моем предложении почитать ему (1.9.16) ту или другую книгу он выбирает для чтения одни книги и настойчиво отстраняет другие.

Более того, в одной и той же книге он желает слушать одни страницы, называя их «нца» (в возрасте 1.9.28), и совершенно не дает читать и не желает слушать другие страницы, называя «бяка»; например, первые 4

1 Рисунки художника Комарова в книге «Домашние животные», изд. Г.Ф. Мириманова.

2 Вспомним также одиозное отношение Иони к некоторым изображениям, по-видимому, пугающим его.

страницы описательного характера в книге про «Четыре цвета»¹ он называет «бьяка», не хочет слушать; едва раскрываю 5-ю страницу, где сказано, что девочки идут гулять (страницы более динамичные по содержанию), говорит «нца», – и позднее три-четыре раза Руди заставляет меня читать ту же книгу, но именно с этого же места (с 5-й страницы); иногда он не хочет дослушивать последнюю (печальную) страницу, где сказано, что шары улетают. Руди предпочитает, например, книгу «Чики-чики-чикалочка» перед книгой «Кто скорее?» и порой четыре раза подряд просит читать первую книгу. В книге «Мячик-прыгунишка» 14 строф про щенят он слушает охотно и даже выучивает наизусть, а про другие стихи говорит: «неинтересные» (3.0.1) и не желает их повторить.

Конечно, если у шимпанзе я могла подметить дифференцированные восприятия зрительных, обонятельных, осязательных, вкусовых и отчасти слуховых признаков, его субъективное эмоциональное предпочтение и отвергание некоторых признаков конкретных предметов и изображений, то, разумеется, я не могла подметить у него и следа оценки по идейным признакам, так рельефно выступавшим уже у 2-летнего ребенка.

10. Воображение. Примитивное эстетическое чувство зачастую определяется у дитяти необычностью стимула. У моего 7-летнего мальчика это нашло отражение в том, что он неудержимо интересовался только вещами, книгами, рисунками, из ряда вон выходящими. Он неустанно упрашивал меня, чтобы я читала ему только то, «что на свете не бывает»; он настойчиво просил дать ему посмотреть книгу с картинками, но перед тем, как взять книгу, он непременно спрашивал: «А там есть (то есть нарисовано) то, что на свете бывает?» И когда получал утвердительный ответ, то сразу охладевал к рассматриванию и не хотел брать книги.

Зато с каким энтузиазмом смотрел он какие-либо фантастические изображения из греческой мифологии, с каким неослабевающим интересом слушал он разного рода сказки и легенды, пропитанные фантастическим элементом!

Я полагаю, что фанатичный и длительный интерес моего (6–8-летнего) дитяти к собиранию и рассматриванию карикатур в основе своей имел его восторженную влюбленность в созерцание всего необычного. Я полагаю, что дитя (до 6 лет), удовлетворив свое первое любопытство, освоившись с реальными свойствами окружающих его конкретных вещей, не умея еще углубить своего проникновения в более глубокую их сущность (еще не развив своей любознательности) и не имея возможности получения все новых и новых впечатлений, пока и ограничивается тем, что расширяет, раздвигает пределы своих восприятий, переносясь в область фантазии и тем самым развивая свое воображение.

Все мы знаем, что в детской игре, чем необузданнее эта замещаемость действительных предметов и вещей мнимыми, тем больше радости получает от нее дитя. Я живо помню, как мой малютка восторгался куклой, которую я молниеносно сделала ему из носового платка, замотав концы и

1 Изд. «ЗИФ».

Табл. В.89. Употребление ребенком палки



Табл. 89. Употребление ребенком палки.

Рис. 1. Касание палкой интригующего предмета (Руди — 2 г. 10 м.).

Рис. 2. Рисование палкой (Руди — 2 г. 2 м.).

Рис. 3. Намахивание палкой (Руди — 2 г. 1 м.).

Рис. 4. Ударение палкой по листе (Руди — 1 г. 1 м.); характерно высывывание языка.

Рис. 5. Верхом на палочке (Руди — 4 г. 5 м.) с кнутиком из палочки.

завязав их узелками на конце, и он длительнее и охотнее играл с этой безликой тряпичной фигуркой, нежели с настоящей детализированно по-человечески оформленной куклой.

Какую радость доставила я ему однажды, когда в нашу скучную игру с ним я включила простую палку, которую мы уподобили знакомой девочке, нарисовав на ней человеческое лицо. Никогда не забуду, как восторженно играли мы с ним однажды, когда за неимением ничего другого я привлекла в качестве действующих лиц мои пять пальцев руки, воодушевив их под живых людей, заставив их говорить и действовать.

Дитя уже в возрасте 4 лет не менее энтузиастично ездит на палочке, замещающей ему живую лошадь, нежели на игрушечной лошадке (табл. 89, рис. 5).

Если проследить жизнь 1½–3-годовалого ребенка хотя бы на протяжении одного дня, можно установить, что на 50% его проведение време-

ни протекает в нереальном мире, с воображаемыми предметами и существами, за которых дитя говорит и действует.

Вспомним общение Руди с живыми животными, одушевление игрушек-животных, изображений предметов, даже собственных частей его тела. Мне приходилось слышать, как Руди (в возрасте 2.4.19 – 2.8.30) угощал свою ножку печеньем, говоря: «на покушай»; как он, ушибив мизинчик, подходя ко мне, серьезно говорил: «Мама, маленький пальчик плятет» (плачет). Я не раз заставляла, как Руди, в возрасте около 2 лет пытаться поить деревянных гуськов, нагибая головы к воде и говоря: «Пейте, пейте, кушайте капустку»; он нередко пытался кормить деревянную лошадку, давая ей траву и выжидательно смотря, когда же она будет есть (табл. 72, рис. 2); он кормил изображенных на картинке детей, подсовывая им настоящий хлеб ко рту; если под рукой даже нет реальной воды и хлеба, дитя может представить себе и эти вещи, его игры оттого не менее занимательны и воодушевленны.

Воображение Руди настолько разыгрывается (в возрасте 2.9.30), что он способен даже детализировать поведение куклы, воспроизводя фразы, приписывающие ей субтильные действия: «Поперхнулась Ривочка, надо дать ей сахарочку»; когда он (в возрасте 2.5.11) случайно наступает на куклу, он серьезно говорит: «пасти» (прости) так же, как он сказал бы это живому человеку. Правда, мальчик все же видимо считает, что по своему психическому складу кукла далеко не равноценное ему существо, почему он пытается быть ее руководителем и навязывает ей неверные, заведомо извращенные понятия. Однажды я застала, как Руди (в возрасте 2.11.1) говорил: «Кукле Муничке покажу что-нибудь»; «Муничка не видела, как Апочка (то есть он) пилит, покажу как пилит». Начинает пилить правильно и высказывается так: «Муничка говорит: Апочка не так пилит»; после этого он берет пилу, кладет ее не ребром, а плашмя и начинает так действовать. Я говорю: «Муничка, что ты сказала! Это неверно». Руди хохочет, опять воспроизводит правильную процедуру и опять устами куклы делает какое-либо нецелесообразное замечание – и хохочет. Закончив процесс пилки, он говорит, обращаясь к кукле: «Теперь видела, как Апочка работает?»

Уже упоминалось, как дитя вверяет игрушечным зверям свою охрану во время сна, как вводит оно игрушечное животное (мишука, зайчика) в круг своих идейных интересов и развлечений. Приставляя книжку к морде игрушечной лошадки, Руди показывает ей картинки и заставляет ее читать: «Ну, лошадка, почитай, что написано», и сам (2.9.16) читает за лошадь: «Бех-эль ы соль, хоэп, хорболя-ха, горрлэб-эльэп, галя-бизя, гол-гол, гол варелебойгаплебап, горопэба-эба-эба»; перевертывая страницу, книги, продолжает: «Гизобэболэб, галегалей-радель рагель-рагель, хызялебль-бэбль, гыробольробль-робль, халепль, халебыль-баребыль» (характерно это употребление членораздельных слов, не имеющих в человеческом обиходе).

Как сейчас помню, как оживленно играл Руди (2.8.30) мнимой водой, поступив очень просто: он авторитетно, законодательно объявил указав на пол: «Вот вода» и добавил: «хочу валяться, прыгать в воду», – и, падая

Табл. В.72. Игры ребенка с неживыми товарищами

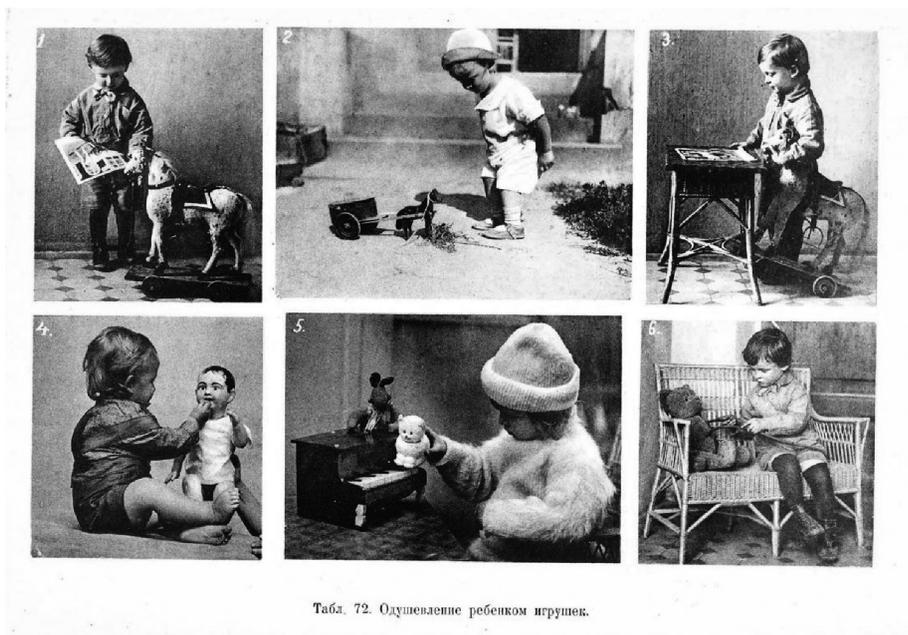


Табл. 72. Одушевление ребенком игрушек.

Рис. 1. Руди (2 г. 9 м. 14 д.) показывает картинки лошадке.

Рис. 2. Руди (2½ года) задал корм лошадке.

Рис. 3. Руди (2 г. 9 м. 14 д.) читает за лошадку.

Рис. 4. Руди (1 г. 4 м.) пытается кормить куклу.

Рис. 5. Руди (4 года) играет на рояли за кошку.

Рис. 6. Руди (2 г. 9 м.) «выслушивает» мишука резиновой трубкой.

на пол, стал делать барахтающиеся и плавающие движения. Воображение дитяти восполняет ему недостающие свойства в неодушевленных предметах. «Пусть будет яблоко!» – говорит Руди, беря в руки деревянный шарик, затем он дает шар игрушечной обезьянке в рот, говоря: «Обезьянка будет кушать».

Я вырезала картонную бабочку. Руди (2.6.13) спрашивает: «А почему не летает?» Я говорю: надо привязать ниточку. Он воодушевленно: «Привязать ниточку – будет летать (восторженно) по всем комнатам, и по апочкиной; будет распускать крылышки» (сам разводит ручками). «Распускает!» – радостно кричит он, бегая с ниткой, на которой волочится, как бы летает, бабочка. Но Руди не смущается этим, он даже поясняет: «За коньтик замешь – и будет летать» (за кончик нитки возьмешь – и будет летать). «А как она на небо будет летать?» – задает он вопрос, замечая, что бабочка не поднимается вверх.

Яркое воображение дитяти обусловлено живостью и яркостью его представлений.

«Ох, ох!» – быстро отдергивает руку Руди от изображенных на картинке ножей, как если б укололся или порезался о них. Мнимое ощущение¹.

1 Надо сказать, что обычно Руди отстраняли от взятия в руки острых, колющих предметов (в частности, ножей).

Я говорю: дотронься, не колисья. Он дотрагивается до картинки, отдергивает руку, говоря: «Ох, колется!»

Порой дитя отдает, полный отчет в том, что действие не «взаправдашное», – но это его не смущает. Оно часто прибавляет: «Я как будто», – но это «как будто» не омрачает, не умаляет радости его переживания, как будто не доходит до сознания ребенка; так велика сила его воображения, так велики красочность, реальность, живучесть этих мнимых образов.

Именно это воображение – залог будущей творческой фантазии человека – разукрашивает порой его будничную, узкую, ограниченную одинокую жизнь в пределах его комнаты и в тесных границах его семьи. И все мы знаем, как изощряется дитя в этих играх с мнимыми сотоварищами, воспроизводя воображаемые действия с мнимыми предметами.

Уже здесь мы видим, как человеческий ребенок мысленно претворяет мир действительный в более яркий и красочный и полнозвучный – мир фантастический, признаков которого мы не могли подметить у шимпанзе, если не считать тех случаев, когда Иони осуществлял игры мнимой борьбы, мнимого нападения, нарочитого столкновения с различными искусственно поставленными препятствиями; но было ли в этих случаях замещение реального предмета воображаемым или не было, – мы не имеем определенных данных для суждения. Судя по той горячности, с которой Иони осуществлял эти игры в их конечном этапе, возможно предположить, что в начале игры Иони манипулировал с реальными предметами, но в разгаре игры, «войдя в раж», возможно, что он утеривал чувство действительности и принимал неодушевленное за одушевленное, мнимое за действительное.

